

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Притворная болезнь

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею, а детей у них не было; стали они со слезами бога молить, чтоб даровал им хоть единое детище, – и услышал господь их молитву: царица забеременела. В то самое время понадобилось царю на́долго отлучиться из дому; простился с женой и отправился в дорогу. Много ли, мало ли прошло времени, родила царица сына Ивана-царевича – такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Рос он не по годам, не по дням, а по часам, по минутам – как тесто на опаре киснет; вырос такой сильномогучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему железный стул, и тот с подпорами.

□ Вот воротился царь домой; царица обрадовалась, встречает его и рассказывает, какого она ему сына родила – сильного, могучего богатыря. Царь не хотел верить, чтоб мог такой сын от него народиться; сделал пир, созвал всех князей, и бояр, и думных людей; спрашивает их: «Научите, что мне делать с неверной

женой – топором казнить её или вешать?» Один думный сенатор отвечает ему: «Чем казнить да вешать, лучше сослать её с сыном в дальние страны, чтоб об них и слуху не было». Царь согласился, и тотчас выслали их из того государства.

□Вышла царица с Иваном-царевичем за городские ворота.

– Любезная матушка! – говорит он. – Сядь – отдохни здесь, а я от отца моего пешком не пойду.

Вернулся назад и просит у царя лошади.

– Ступай в заповедные луга; там пасутся мои табуны – выбирай себе любого коня.

Приходит Иван-царевич в заповедные луга, начал коня выбирать: на которого руку положит – тот и издохнет. Выбежал к нему пастух:

– Э-эх, Иван-царевич! Ты здесь не выберешь по себе коня. Возьми-ка вот этого для матери, а для тебя есть добрый конь на острове; там растут двенадцать дубов, под ними выход^[1] есть, в том выходе стоит конь на двенадцати цепях, за двенадцатью дверями и за столькими ж замками; каждый замок в пятьдесят пуд.

Иван-царевич благодарствовал на том пастуху, брал одного коня и держал путь к матери; сажал её на того коня, а сам возле пешком шёл.

□Много ли, мало ли ушло времени – увидели они двенадцать дубов. Побежал туда царевич, открыл выход и начал ломать и двери и замки; только что конь услышал по себе богатыря – тотчас стал помогать, копытами цепи, двери разбивать. Подходит Иван-царевич к коню, надевает на него богатырский прибор^[2] и выводит в поле чистое; сел верхом и начал пытаться своего коня. Мать ему говорит:

– Сын мой любезный! Завёл меня в такие пустые, безлюдные

места, да и покинуть хочешь.

– Нет, матушка! Я тебя не покину; а коня пытаю.

Раскинули они на острову́ палатку, жили и питались, чем бог послал.

□Однажды говорит Иван-царевич:

– Государыня моя матушка! Благослови меня в дальнюю дорогу. Чем тут жить, лучше поеду – отыщу себе державу.

Поехал он и долами, и горами, и тёмными лесами; выезжает на ровное место и видит впереди – словно гора воздымается. «Дай подъеду!» Подскакал поближе, глядь – а то лежит богатырь убитый. «Эх, – думает царевич, – славный был богатырь, да какой-то злодей сгубил: может, сам-то и ногтя его не стоит!» Подивовался-подивовался и хотел было ехать дальше; вдруг мёртвый богатырь отзывается:

– Что ж ты, Иван-царевич, только посмотрел на меня, а ни слова не вымолвил? Ты бы спросил меня, я б тебе добро посоветовал. Вишь ты, молодой юноша, и сам не ведаешь – куда едешь, а едешь ты прямо к Огненному царю: не доезжая до его царства вёрст тридцать – уж огнем жжёт! Столкни-ка моё туловище да возьми мой щит и острый меч-кладенец. Как станешь подъезжать к огненному царству и начнёт тебя огнём жечь – ты закройся моим щитом и не бойся жару, а приедешь к самому царю – он тебя встретит с обманом; смотри, в обман не давайся, бей его один раз, а убьёшь – меня не забудь!

□Иван-царевич взял щит и меч-кладенец, поскакал-полетел к Огненному царю, на всем скаку ударил его раз; Огненный царь наземь пал и кричит:

– Бей еще!

– Русский богатырь не бьёт два раза, а раз да горазд!

Убивши царя, бросился его осматривать и нашёл у него мёртвую и

живую воду. Взял ту воду и поехал к мёртвому богатырю; соскочил с своего доброго коня, поднял голову богатыря, приложил её к туловищу и sprysнул мёртвой и живой водою. Богатырь встал; назвались они братьями и пошли путём-дорогою. Говорит богатырь:

– Давай изведем силу – чья возьмёт?

– Эх, брат! Не надоело тебе лежать в чистом поле тридцать три года; а я не хочу пролежать и единого. Лучше разъедемся в разные стороны!

И поехали они по разным дорогам.

□Иван-царевич приехал к своей матери, рассказал ей, как победил Огненного царя, и зовёт её с собой:

– Поедем, государыня матушка, в его царство.

– Ах, Иван-царевич! На что ты убил его? Ведь Огненный царь мне сват.

Поехали они в то царство; жили сколько-то времени, вздумалось царевичу на охоту ехать, а мать его достала мёртвую и живую воду, нашла Огненного царя, подкатила его голову к туловищу и давай взбрызгивать. Огненный царь открыл глаза и говорит:

– Ах, любезная свашенька, долго ж я спал.

– Спать бы тебе отныне и до́веду! Мой сын-злодей тебя до́ смерти убил. Как бы нам его извести?

– А вот как: только он вернётся – ты сделайся больна и скажи ему, что в таком-то царстве, куда ворон костей не заносит, есть одномесячные яблоки и от тех яблоков всякая хворь проходит. Пусть-ка достанет.

□Сын вернулся домой – мать больна лежит, посылает его за одномесячными яблоками. Иван-царевич оседлал своего доброго коня и стрелой полетел в то царство далёкое, куда ворон костей

не заносит. А там царствовала девица-красавица, и был у ней пир большой. Выглянул из окна один из гостей и говорит:

– Приехал к вам молодой юноша: конь под ним аки лютый зверь, сбруя и все приспехи богатырские словно жар горят.

Встречала его царевна среди двора широкого, сама снимала с доброго коня; взялись они за белые руки и пошли во дворец. Села царевна на золотой стул, а русский богатырь сам себе место найдёт.

– Не будешь ли гневаться? – говорит Иван-царевич. – Ведь я с просьбой приехал.

– Говори: что надобно? Всё тебе в угоду сделаю.

Он ей сказал свою нужду. Тут они долго пировали и забавлялись, после того обручились и дали слово крепкое, чтоб ей за другого замуж нейти, а ему на другой не жениться. Пора Ивану-царевичу и в путь отправляться; невеста-красавица навязала ему одномесячных яблочков, пошла провожать и говорит ему:

– Я слышала – ты большой охотник; подарю тебе двух собак. Эй, Тяжёлый и Лёгкий! Служите царевичу, как мне служили; коли что над ним приключится – лучше и назад не бывайте!

□Едет Иван-царевич домой; мать увидала и говорит свату:

– Вон наш разлучник едет!

Тотчас заперла Огненного царя за кипарисные двери, а сама на постель легла. Входит Иван-царевич во дворец и отдаёт матери одномесячные яблоки. Вдруг собаки бросились к кипарисной двери и начали грызть; мать говорит:

– Сын мой любезный! Какую привёл ты охоту? Мне и без того мочи нет, а они дверь грызут.

Царевич закричал на своих собак – и они улеглись возле него.

□На другой день поехал он с своей охотой позабавиться, а мать

кинулась свата отпирать и просит его извести как-нибудь сына. Пошёл Огненный царь к озеру, на песчаные берега, злого змея караулить. Мало ли, много ли дожидался – выходит змей на´ берег, лёг и заснул. Огненный царь одним взмахом отрубил ему голову, вынул зелье^[3] и понёс к сватье; отдаёт ей:

– На, – говорит, – напеки с этим зельем лепёшек и покорми сына.

□Иван-царевич вернулся домой и просит у матери:

– Нет ли поесть чего?

Она отвечает:

– Мочи моей нет, ничего не готовила, только лепёшек напекла – возьми и кушай на здоровье!

Только он взял одну лепешку – собака из рук её вырвала.

– Ну, сынок, завёл ты охоту – не дадут и куска съесть!

– Я, матушка, другую возьму.

Взял ещё – другая собака и эту вырвала. Взял третью, откусил и тут же помер. Мать соскочила с постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата.

– Ну, – кричит, – извели, наконец, нашего злодея!

Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его в колодец, а сами стали жить да веселиться.

□Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли к наречённой невесте; а ей уж сердце сказало, что нет его на свете; вышла она далеко к нему навстречу, взяла его на свои белые руки, понесла во дворец и написала к своей сестре, чтобы та прислала новые, лучшие глаза и воды живой и мёртвой. Начали его лечить, живой водой вспрыскивать. Иван-царевич встал:

– Ах, моя милая невеста! Как долго я спал.

– Спать бы тебе вечным сном, кабы не я! – отвечала невеста и рассказала всё, что с ним мать сделала.

□Пожил он у ней несколько времени и собирается домой. Говорит ему царевна-красавица:

– Иван-царевич! Не давайся в обман матери.

Он оседлал коня и едет домой. Мать узнала его и закричала:

– Опять едет мой злодей, и две собаки впереди бегут!

Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама села под окно и горючьими слезами обливается. Иван-царевич въехал на двор, соскочил с коня и пошёл к матери; собаки за ним и бросились дверь грызть.

– Матушка! – говорит царевич. – Подай мне ключ от этой двери.

Она мялась-мялась, не хотела ключа отдавать, разные отговорки приводила: и ключ-то потерян, и отпирать-то незачем! Иван-царевич сам нашёл ключ, отворил дверь – а за дверью сидит в креслах Огненный царь.

□Закричал царевич своей охоте:

– Тяжёлый и Лёгкий! Возьмите Огненного царя, отнесите в чистое поле и разорвите на мелкие части!

Собаки схватили его и разорвали на мелкие части: не только человеку кусков не собрать, даже птице не сыскать! Потом Иван-царевич сделал тугой лук и кленовую стрелу и говорит матери:

– Пойдём теперь в чистое поле!

Пришли они в чистое поле; царевич натянул свой тугой лук, положил о́даль:

– Становись, матушка, рядом со мною; кто из нас виноват, того

кленовая стрела убьёт.

Мать прижалась к нему близко-близко. Сорвалась стрела и попала ей прямо в сердце.

□Иван-царевич поехал к своей невесте; пристигла его в пути-дороге тёмная ночь. Усмотрел он вдали огонёк, поехал в ту сторону – стоит избушка, а в избушке старуха сидит. Завёл с нею разговор о том, о сём; старуха ему и рассказывает:

Есть у нас в озере страшный змей о двенадцати головах, всё людей пожирает. Нынешнюю ночь вывезут к нему на съедение самоё царевну: так вышло по жребию!

Иван-царевич не ложился спать, со полуночи пошёл на то озеро. Царевна стоит на берегу и во слезах говорит таковы речи:

– Лютый змей! Пожри меня скорее, кончи мои мучения.

Распахнулось у ней покрывало, и узнал Иван-царевич свою невесту, и она его признала.

– Ступай отсюда, – говорит ему царевна, – не то лютый змей и тебя съест!

– Не пойду, – отвечает Иван-царевич, – мы с тобой обручились, чтобы вместе жить, вместе и помереть.

Вот лезет из озера змей о двенадцати головах:

– Эх, красная девица! Да у тебя заступа есть. Ну что ж! В моем брюхе и заступе будет место.

– Ах ты, проклятый змей! – сказал Иван-царевич. – Ты прежде пожри, тогда и хвались.

Вынул свой острый меч, раз махнул – и снял с него шесть голов; в другой махнул – и остальные сбил. Потом Иван-царевич поехал с своей невестою в её царство, обвенчались и жили долго и счастливо.

---

[1] – Погреб, подвал.

[2] – Снаряжение (Ред.).

[3] – Яд.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Звериное молоко

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был царь на царстве, король на королевстве, и были у него дети: сын Иван-царевич и дочь Елена Прекрасная. Появился в его царстве медведь железная шерсть и начал его подданных есть... Ест медведь людей, а царь сидит да думает, как бы ему спасти детей своих. Велел он построить высокий столб, посадил на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную и провизии им поклат туда на пять лет.

□Переел медведь всех людей, прибежал в царский дворец и стал с досады грызть веник.

– Не грызи меня, медведь железная шерсть, – говорит ему веник,

– а лучше ступай в поле, там увидишь ты столб, а на том столбу сидят Иван-царевич и Елена Прекрасная!

Прибежал медведь к столбу и начал его раскачивать. Испугался Иван-царевич и бросил ему пищи, а медведь наелся, да и лёг спать.

□Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... На дороге стоит конь.

– Конь, конь! Спаси нас, – говорят они.

Только что сели на коня, медведь их и догнал. Коня он разорвал на части, а их взял в пасть и принёс к столбу. Дали они ему пищи, он наелся и опять заснул. Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... По дороге идут гуси.

– Гуси, гуси, спасите нас.

Сели они на гусей и полетели, а медведь проснулся, опалил гусей полымем и принёс их к столбу. Дали они ему снова пищи: он наелся и опять заснул. Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... На дороге стоит бычок-третьячок^[1].

– Бычок, бычок! Спаси нас: за нами гонится медведь железная шерсть.

– Садитесь на меня; ты, Иван-царевич, сядь задом наперёд и как увидишь медведя, скажи мне.

Только что догонит их медведь, бычок-третьячок др... – да и залепит ему глаза. Три раза медведь догонял, три раза бычок залеплял ему глаза. Стали они переправляться через реку, медведь за ними – да и утонул.

□Захотели они есть, вот бычок им и говорит:

– Зарежьте меня и съешьте, а косточки мои соберите и ударьте; из них выйдет мужичок-кулачок – сам с ноготок, борода с

локоток. Он для вас всё сделает.

Время идёт да идёт, съели они бычка и захотели опять есть; ударили легонько по косточкам, и вышел мужичок-кулачок. Вот пошли они в лес, а в том лесу стоял дом, а дом тот был разбойничий. Кулачок убил и разбойников и атамана и запер их в одной комнате; а Елене не велел туда ходить. Только она не вытерпела, посмотрела и влюбилась в голову атамана.

□Попросила она Ивана-царевича достать ей живой и мёртвой воды. Как только он достал воды живой и мёртвой, царевна оживила атамана и сговорилась вместе с ним известить Ивана-царевича. Наперво согласились они послать его за волчьим молоком. Пошёл Иван-царевич с мужичком-кулачком; находят волчицу:

– Давай молока!

Она просит их взять и волчонка, потому что он б...., п...., даром хлеб ест. Взявши молоко и волчонка, пошли к Елене Прекрасной; молоко отдали Елене, а волчонка взяли себе. Этим не смогли его известить; послали за медвежьим молоком. Пошёл Иван-царевич с мужичком-кулачком доставать медвежьего молока; находят медведицу:

– Давай молока!

Она просит взять и медвежонка, потому что он ..., даром хлеб ест. Опять, взявши молоко и медвежонка, пошли к Елене Прекрасной; отдали ей молоко, а медвежонка взяли себе. И этим не смогли известить Ивана-царевича; послали его за львиным молоком. Иван-царевич пошёл с мужичком-кулачком; находят львицу, взяли молока; она просит их взять и львёнка, потому что он ..., даром хлеб ест. Воротились к Елене Прекрасной, отдали молоко, львёнка взяли себе.

□Потом атаманы и Елена Прекрасная видят, что и этим нельзя известить Ивана-царевича; послали его достать яиц жар-птицы. Отправился Иван-царевич с мужичком-кулачком доставать яйца. Нашли они жар-птицу, хотели было взять яйца, она рассердилась

и проглотила мужичка-кулачка; а Иван-царевич пошёл без яиц домой. Приходит к Елене Прекрасной, рассказал ей, что не мог достать яиц и что жар-птица проглотила мужичка-кулачка. Елена Прекрасная с атаманом обрадовались и говорят, что теперь Иван-царевич без кулачка ничего не сделает; велели его убить. Иван-царевич услышал это и попросился у сестры помыться перед смертью в бане.

□Елена Прекрасная велела натопить баню. Иван-царевич пошёл в баню, а Елена Прекрасная послала к нему сказать, чтобы он скорее мылся. Иван-царевич её не послушал, всё-таки мылся не спеша. Вдруг прибежали к нему волчонок, медвежонок и львёнок; говорят ему, что мужичок-кулачок спасся от жар-птицы и сейчас придёт к нему. Иван-царевич приказал им лечь под порог в бане; а сам всё-таки мылся. Елена Прекрасная посылает опять ему сказать, чтобы он скорее мылся, а если он не скоро выйдет, то она сама придёт. Иван-царевич всё не слушал, не выходил из бани. Елена Прекрасная ждала-ждала, не могла дождаться и пошла с атаманом посмотреть, что он там делает. Приходит и видит, что он моется и не слушает приказания; рассердилась, дала ему плюху. Откуда не возмись мужичок-кулачок – велел волчонку, медвежонку и львёнку разорвать атамана на мелкие кусочки, а Елену взял, привязал голую к дереву, чтоб её тело съели комары да мухи; а сам отправился с Иваном-царевичем путём-дорогою.

□Завидели большие палаты; говорит мужичок-кулачок:

– Не хочешь ли, Иван-царевич, жениться? Вот в этом доме живёт богатырь-девка; она ищет такого молодца, чтоб её одолел.

Вот и пошли к тому дому. Не дошедши немного, сел Иван-царевич на лошадь, а мужичок-кулачок сзади его, и начали вызывать богатырь-девку драться. Дрались-дрались; богатырь-девка ударила Ивана-царевича в грудь – Иван-царевич чуть-чуть не упал, да его кулачок удержал. Потом Иван-царевич ударил богатырь-девку копьём – и она тотчас свалилась с коня. Как сшиб Иван-царевич богатырь-девку, она и говорит ему:

– Ну, Иван-царевич, ты теперь можешь меня взять замуж.

□Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Иван-царевич женился на богатырь-девке.

– Ну, Иван-царевич, – говорит мужичок-кулачок, – если на первую ночь сделается тебе дурно, то выходи ко мне; я в беде помогу.

Вот лёг Иван-царевич спать с богатырь-девкою. Вдруг богатырь-девка положила ему на грудь руку, Ивану-царевичу сделалось дурно; начал он проситься выйти. Вышедши, кликнул мужичка-кулачка, рассказал ему, что богатырь-девка его душит. Мужичок-кулачок пошёл к богатырь-девке, начал её бить да приговаривать: «Почитай мужа, почитай мужа!» С того времени стали они жить да поживать да добра наживать.

□После начала богатырь-девка просить Ивана-царевича, чтоб отвязал Елену Прекрасную и взял бы её к себе жить. Он сейчас послал отвязать и привести её к себе. Долго жила у него Елена Прекрасная. Один раз говорит она Ивану-царевичу:

– Братец! Дай я тебе поищу.

Начала искать ему и пустила в голову мёртвый зуб; Иван-царевич начал умирать. Львёнок видит, что Иван-царевич умирает, выдернул у него мёртвый зуб; царевич стал оживать, а львёнок умирать. Медвежонок вырвал зуб; львёнок начал оживать, а медвежонок умирать. Лисица видит, что он помирает, выдернула у него мёртвый зуб, и как она была хитрей всех, то, выдернувши, бросила зуб на сковороду, отчего зуб и рассыпался в куски. За это Иван-царевич велел Елену Прекрасную привязать к хвосту богатырского коня и размыкать по чистому полю. Я там был, мёд пил, по усам текло, а в рот не попало.

---

[1] – Т. е. по третьему году.

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царь-медведь

Жил себе царь с царицею, детей у них не было. Царь поехал раз на охоту красного зверя да перелётных птиц стрелять. Сделалось жарко, захотелось ему водицы испить, увидел в стороне колодец, подошёл, нагнулся и только хотел испить – царь-медведь и ухватил его за бороду:

– Пусти, – просится царь.

– Дай мне то, чего в доме не знаешь; тогда и пущу.

– Что ж бы я в доме не знал, – думает царь, – кажись, всё знаю... Я лучше, – говорит, – дам тебе стадо коров.

– Нет, не хочу и двух стад.

– Ну, возьми табун лошадей.

– Не надо и двух табунов; а дай то, чего в доме не знаешь.

□Царь согласился, высвободил свою бороду и поехал домой. Входит во дворец, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вот чего не знал он в доме. Всплеснул царь руками и горько заплакал.

– Чего ты так убиваешься? – спрашивает царица.

– Как мне не плакать? Я отдал своих деток родных царю-медведю.

– Каким случаем?

– Так и так, – сказывает царь.

– Да мы не отдадим их!

– О, никак нельзя! Он вконец разорит всё царство, а их все-таки возьмёт.

□Вот они думали-думали, как быть? Да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали её, разукрасили, словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтоб было что и пить и есть; после посадили в ту яму своих детей, а поверх сделали потолок, закидали землёю и заровняли гладко-нагладко.

□В скором времени царь с царицею померли, а детки их растут да растут. Пришёл, наконец, за ними царь-медведь, смотрит туда-сюда: нет никого! Опустел дворец. Ходил он, ходил, весь дом выходил и думает: «Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?» Глядь – долото в стену воткнуто.

– Долото, долото, – спрашивает царь-медведь, – скажи мне, где царские дети?

– Вынеси меня на двор и брось наземь; где я воткнусь, там и рой.

Царь-медведь взял долото, вышел на двор и бросил его наземь; долото закружилось, завертелось и прямо в то место воткнулось, где были спрятаны Иван-царевич и Марья-царевна. Медведь разрыл

землю лапами, разломал потолок и говорит:

– А, Иван-царевич, а, Марья-царевна, вы вот где!.. Вздумали от меня прятаться! Отец-то ваш с матерью меня обманули, так я вас за это съем.

– Ах, царь-медведь, не ешь нас, у нашего батюшки осталось много кур и гусей и всякого добра; есть чем полакомиться.

– Ну, так и быть! Садитесь на меня; я вас к себе в услугу возьму.

□Они сели, и царь-медведь принёс их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живёт.

– Мы есть-пить хотим, – говорят Иван-царевич и Марья-царевна.

– Я побегу, добуду вам и пить и есть, – отвечает медведь, – а вы пока тут побудьте да отдохните.

Побежал медведь за едой, а царевич с царевною стоят и слёзно плачут. Откуда нё взялся ясный сокол, замахал крыльями и вымолвил таково слово:

– Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами вы здесь очутились?

Они рассказали.

– Зачем же взял вас медведь?

– На всякие послуги.

– Хотите, я вас унесу? Садитесь ко мне на крылышки.

Они сели; ясный сокол поднялся выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и полетел было в далёкие страны. На ту пору царь-медведь прибежал, усмотрел сокола в поднебесье, ударился головой в сырую землю и обжёг ему пламенем крылья. Опалились у сокола крылья, опустил он царевича и царевну наземь.

– А, – говорит медведь, – вы хотели от меня уйти; съем же вас за то и с косточками!

– Не ешь, царь-медведь; мы будем тебе верно служить.

Медведь простил их и повёз в своё царство: горы всё выше да круче.

□Прошло ни много, ни мало времени.

– Ах, – говорит Иван-царевич, – я есть хочу.

– И я! – говорит Марья-царевна.

Царь-медведь побежал за едой, а им строго наказал никуда не сходить с места. Сидят они на травке на муравке да слёзы роняют. Откуда нё взялся орёл, спустился из-за облак и спрашивает:

– Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здесь?

Они рассказали.

– Хотите, я вас унесу?

– Куда тебе! Ясный сокол брался унести, да не смог, и ты не сможешь!

– Сокол – птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылышки.

Царевич с царевною сели; орёл взмахнул крыльями и взвился ещё выше. Медведь прибежал, усмотрел орла в поднебесье, ударился головой о сыру землю и опалил ему крылья. Спустил орёл Ивана-царевича и Марью-царевну наземь.

– А, вы опять вздумали уходить! – сказал медведь. – Вот я же вас съем!

– Не ешь, пожалуйста; нас орёл взманил! Мы будем служить тебе

верой и правдою.

Царь-медведь простил их в последний раз, накормил-напоил, и повёз дальше...

□Прошло ни много, ни мало времени.

– Ах, – говорит Иван-царевич, – я есть хочу.

– И я! – говорит Марья-царевна.

Царь-медведь оставил их, а сам за едой побежал. Сидят они на травке на муравке да плачут. Откуда нё взялся бычок-др...нок, замотал головой и спрашивает:

– Иван-царевич, Марья-царевна! Вы какими судьбами здесь очутились?

Они рассказали.

– Хотите, я вас унесу?

– Куда тебе! Нас уносили птица-сокол да птица-орёл, и то не смогли; ты и подавно не сможешь! – а сами так и разливаются, едва во слезах слово вымолвят.

– Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мне на спину.

Они сели, бычок-др...нок побежал не больно прытко. Медведь усмотрел, что царевич с царевною уходить стали, и бросился за ними в погоню.

– Ах, бычок-др...нок, – кричат царские дети, – медведь гонится.

– Далеко ли?

– Нет, близко!

□Только было медведь подскочил да хотел сцапать, бычок понатужился... и залепил ему оба глаза. Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок-др...нок всё вперёд да вперёд! Царь-медведь умылся да опять в погоню.

– Ах, бычок-др...нок! Медведь гонится.

– Далеко ли?

– Ох, близко!

Медведь подскочил, а бычок опять понатужился... и залепил ему оба глаза. Пока медведь бегал глаза промывать, бычок всё вперёд да вперёд! И в третий раз залепил он глаза медведю; а после того даёт Ивану-царевичу гребешок да утиральник и говорит:

– Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой – махни утиральником.

□Бычок-др...нок бежит всё дальше и дальше. Оглянулся Иван-царевич, а за ними царь-медведь гонится: вот-вот схватит! Взял он гребешок и бросил позадь себя – вдруг вырос, поднялся такой густой, дремучий лес, что ни птице не пролететь, ни зверю не пролезть, ни пешему не пройти, ни конному не проехать. Уж медведь грыз-грыз, насилиу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес и бросился догонять; а царские дети далёко-далёко! Стал медведь нагонять их, Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником – вдруг сделалось огненное озеро: такое широкое-широкое! Волна из края в край бьёт. Царь-медведь постоял, постоял на берегу и поворотил домой; а бычок-др...нок с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на полянку.

□На той на полянке стоял большой славный дом.

– Вот вам дом! – сказал бычок. – Живите – не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костёр, зарежьте меня да на том костре и сожгите.

– Ах! – говорят царские дети. – Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем тебя кормить свежую травю, поить ключевой водою.

– Нет, сожгите меня, а пепел посеете на трёх грядках; на одной

грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню ездил ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходил на охоту.

Так всё и сделалось.

□ Вот как-то вздумал Иван-царевич поехать на охоту; попрощался с сестрицею, сел на коня и поехал в лес; убил гуся, убил утку да поймал живого волчонка и привёз домой. Видит царевич, что охота идёт ему в руку, и опять поехал, настрелял всякой птицы и поймал живого медвежонка. В третий раз собрался Иван-царевич на охоту, а собачку позабыл с собой взять. Тем временем Марья-царевна пошла бельё мыть. Идёт она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит:

– Здравствуй, красная девица!

– Здравствуй, добрый молодец!

– Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если бы через него да был перекинут высокий мост – я бы перешёл на ту сторону и женился на тебе.

– Постой! Мост сейчас будет, – отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту же минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом. Змей перешёл по мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унёс царевну.

□ Приезжает Иван-царевич с охоты – сестры нет, собачка взаперти воет; увидел мост через озеро и говорит:

– Верно, змей унёс мою сестрицу!

Пошёл разыскивать. Шёл-шёл, в чистом поле стоит хатка на курьих лапках, на собачьих пятках.

– Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом.

Хатка повернулась; Иван-царевич вошёл, а в хатке лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос.

– Фу-фу! – говорит она. – Доселева русского духа не слышать было, а нынче русский дух воочью проявляется, в нос бросается! Почто пришёл, Иван-царевич?

– Да если б ты моему горю пособила!

– А какое твоё горе?

Царевич рассказал ей.

– Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с неё три зелёных прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части. Тогда смело на змея иди, не устоит супротив тебя.

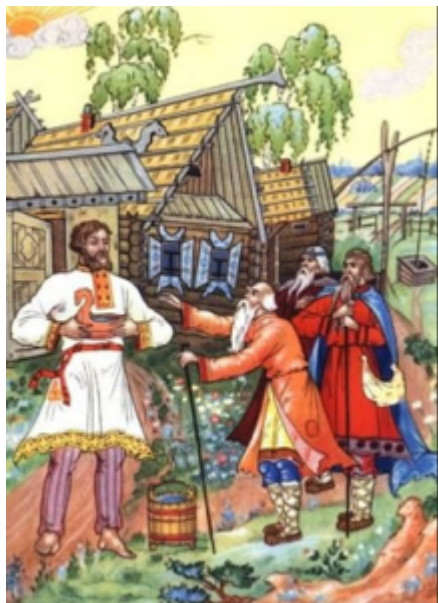
□Иван-царевич воротился домой, освободил собачку – выбежала она злая-злая! Взял ещё с собой волчонка да медвежонка и отправился на змея. Звери бросились на него и разорвали в клочки. А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Безногий и
слепой богатыри**

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; у них был сын Иван-царевич, а смотреть-глядеть за царевичем приставлен был Катома-дядька дубовая шапка. Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают:

– Когда мы померём, ты во всём слушайся и почитай Катому-дядьку дубовую шапку; станешь слушаться – счастлив будешь, а захочешь быть ослушником – пропадёшь как муха.

На другой день царь с царицею померли; Иван-царевич похоронил родителей и стал жить по их наказу: что ни делает, обо всём с дядькой совет держит. Долго ли, коротко ли – дошёл царевич до совершенных лет и надумал жениться; приходит к дядьке и говорит ему:

– Катома-дядька дубовая шапка! Скучно мне одному, хочу ожениться.

– Что же, царевич! За чем дело стало? Лета твои таковы, что пора и о невесте думать; поди в большую палату – там всех царевен, всех королевен портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся.

□Иван-царевич пошёл в большую палату, начал пересматривать портреты, и прилась ему по мысли королевна Анна Прекрасная –

такая красавица, какой во всём свете другой нет! На её портрете подписано: коли кто задаст ей загадку, а королева не отгадает, за того пойдёт она замуж; а чью загадку отгадает, с того голова долой. Иван-царевич прочитал эту подпись, раскручинился и идёт к своему дядьке.

– Был я, – говорит, – в большой палате, высмотрел себе невесту Анну Прекрасную; только не ведаю, можно ли её высватать?

– Да, царевич! Трудно её достать; коли один поедешь – ни за что не высватаешь, а возьмишь меня с собой да будешь делать, как я скажу, – может, дело и уладится.

Иван-царевич просит Катому-дядьку дубовую шапку ехать с ним вместе и даёт ему верное слово слушаться его и в горе и в радости.

□ Вот собрались они в путь-дорогу и поехали сватать Анну Прекрасную королеву. Едут они год, и другой, и третий, и заехали за много земель. Говорит Иван-царевич:

– Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны Прекрасной королевы, а не знаем, какую загадку загадывать.

– Ещё успеем выдумать!

Едут дальше; Катому-дядька дубовая шапка глянул на дорогу – на дороге лежит кошелёк с деньгами; сейчас его поднял, высыпал оттуда все деньги в свой кошелёк и говорит:

– Вот тебе и загадка, Иван-царевич! Как приедешь к королеве, загадай ей такими словами: ехали-де мы путём-дорогою, увидели: на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в своё добро положили! Эту загадку ей в жизнь не разгадать; а всякую другую сейчас узнает – только взглянет в свою волшебную книгу; а как узнает, то и велит отрубить тебе голову.

□ Вот, наконец, приехал Иван-царевич с дядькою к высокому дворцу, где проживала прекрасная королева; в ту пору-времечко была она на балконе, увидела приезжих и послала узнать: откуда

они и зачем прибыли? Отвечает Иван-царевич:

– Приехал я из такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королеву.

Доложили о том королеву; она приказала, чтобы царевич во дворец шёл да при всех её думных князьях и боярах загадку загадывал.

– У меня, – молвила, – такой завет положен: если не отгадаю чьей загадки, за того мне идти замуж, а чью отгадаю – того злой смерти предать!

– Слушай, прекрасная королева, мою загадку, – говорит Иван-царевич, – ехали мы путём-дорогою, увидели – на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в добро положили.

Анна Прекрасная королева берёт свою волшебную книгу, начала её пересматривать, да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась.

□Тут думные князья и бояре присудили королеву выходить замуж за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а делать нечего – стала готовиться к свадьбе. Думает сама с собой королева: как бы время протянуть да жениха отбыть? И вздумала – утрудить его великими службами. Призывает она Ивана-царевича и говорит ему:

– Милый мой Иван-царевич, муж наречённый! Надо нам к свадьбе изготовиться; сослужи-ка мне службу невеликую: в моём королевстве на таком-то месте стоит большой чугунный столб; перетащи его в дворцовую кухню и сруби в мелкие поленья – повару на дрова.

– Помилуй, королева! Нешто я приехал сюда дрова рубить? Моё ли это дело! На то у меня слуга есть: Катом-дядька дубовая шапка.

Сейчас призывает царевич дядьку и приказывает ему притащить в кухню чугунный столб и срубить его в мелкие поленья повару на дрова. Катом-дядька пошёл на сказанное место, схватил столб в

охапку, принёс в дворцовую кухню и разбил на мелкие части; четыре чугунных полена взял себе в карман – «для переду годится!»

□На другой день говорит королева Ивану-царевичу:

– Милый мой царевич, наречённый муж! Завтра нам к венцу ехать: я поеду в коляске, а ты верхом на богатырском жеребце; надобно тебе загодя объездить того коня.

– Стану я сам объезжать коня! На то у меня слуга есть.

Призывает Иван-царевич Катому-дядьку дубовую шапку.

– Ступай, – говорит, – на конюшню, вели конюхам вывести богатырского жеребца, сядь на него и объезди; завтра я на нём к венцу поеду.

Катома-дядька смекнул хитрости королевы, не стал долго разговаривать, пошёл на конюшню и велел конюхам вывести богатырского жеребца. Собралось двенадцать конюхов; отпёрли двенадцать замков, отворили двенадцать дверей и вывели волшебного коня на двенадцати железных цепях. Катома-дядька дубовая шапка подошёл к нему; только успел сесть – волшебный конь от земли отделяется, выше лесу подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего.

□Катома крепко сидит, одной рукой за гриву держится, а другой вынимает из кармана чугунное полено и начинает этим поленом промежду ушей коня осаживать. Избил одно полено, взялся за другое, два избил, взялся за третье, три избил, пошло в ход четвёртое. И так донял он богатырского жеребца, что не выдержал конь, возговорил человеческим голосом:

– Батюшка Катома! Отпусти хоть живого на белый свет. Что хочешь, то и приказывай: всё будет по-твоему!

– Слушай, собачье мясо! – отвечает ему Катома-дядька дубовая шапка. – Завтра поедет на тебе к венцу Иван-царевич. Смотри же: как выведут тебя конюхи на широкий двор да подойдёт к тебе

царевич и наложит свою руку – ты стой смирно, ухом не пошевели; а как сядет он верхом – ты по самые щётки в землю подайся да иди под ним тяжёлым шагом, словно у тебя на спине непомерная тягота наложена.

Богатырский конь выслушал приказ и опустился еле жив на землю. Катома ухватил его за хвост и бросил возле конюшни:

– Эй, кучера и конюхи! Уберите в стойло это собачье мясо.

□Дождались другого дня; подошло время к венцу ехать, королевне коляску подали, а Ивану-царевичу богатырского жеребца подвели. Со всех сторон народ сбегался – видимо-невидимо! Вышли из палат белокаменных жених с невестою; королева села в коляску и дожидается: что-то будет с Иваном-царевичем? Волшебный конь разнесёт его кудри по ветру, размычет его кости по чисту полю. Подходит Иван-царевич к жеребцу, накладывает руку на спину, ногу в стремя – жеребец стоит словно вкопанный, ухом не шевельнёт! Сел царевич верхом – волшебный конь по щётки в землю ушёл; сняли с него двенадцать цепей – стал конь выступать ровным тяжёлым шагом, а с самого пот градом так и катится. «Экий богатырь! Экая сила непомерная!» – говорит народ, глядя на царевича. Перевенчали жениха с невестою; стали они выходить из церкви, взяли друг дружку за руки. Вздумалось королевне ещё раз попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку так сильно, что он не смог выдержать: кровь в лицо кинулась, глаза под лоб ушли. «Так ты этакий-то богатырь, – думает королева, – славно же твой дядька меня опутал... только даром вам это не пройдёт!»

□Живёт Анна Прекрасная королева с Иваном-царевичем как подобает жене с богоданным мужем, всячески его словами утешает, а сама одно мыслит: каким бы то способом извести Ктому-дядьку дубовую шапку; с царевичем без дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всяких наговоров, Иван-царевич не поддавался на её речи, всё сожалел своего дядьку. Через год времени говорит он своей жене:

– Любезная моя супружница, прекрасная королева! Желается мне ехать вместе с тобой в своё государство.

– Пожалуй, поедем; мне самой давно хочется увидеть твоё государство.

□ Вот собрались и поехали; дядьку Катома за кучера посадили. Ехали-ехали; Иван-царевич заснул дорогою. Вдруг Анна Прекрасная королева стала его будить да жалобу приносить:

– Послушай, царевич, ты всё спишь – ничего не слышишь! А твой дядька совсем меня не слушает, нарочно правит лошадей на кочки да рытвины – словно извести нас собирается; стала я ему добром говорить, а он надо мной насмехается. Жить не хочу, коли его не накажешь!

Иван-царевич крепко спросонок рассердился на своего дядьку и отдал его на всю волю королевнину: «Делай с ним, что сама знаешь!» Королева приказала отрубить его ноги. Катома дался ей на поругание. «Пусть, – думает, – пострадаю; да и царевич узнает – какво горе мыкать!»

□ Отрубили Катома-дядьке обе ноги. Глянула королева кругом и увидала: стоит в стороне высокий пень; позвала слуг и приказала посадить его на этот пень, а Ивана-царевича привязала на верёвке к коляске, повернула назад и поехала в своё королевство. Катома-дядька дубовая шапка на пне сидит, горькими слезами плачет.

– Прощай, – говорит, – Иван-царевич! Вспомнишь и меня.

А Иван-царевич вприпрыжку за коляскою бежит; сам знает, что маху дал, да воротить нельзя. Приехала королева Анна Прекрасная в своё государство и заставила Ивана-царевича коров пасти. Каждый день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королева на балконе сидит и поверяет: все ли счётом коровы? Пересчитает и велит их царевичу в сарай загонять да последнюю корову под хвост целовать; эта корова так уж и знает – дойдёт до ворот,

остановится и хвост подымет...

□Катома-дядька сидит на пне день, и другой, и третий не пивши, не евши; слезть никак не может, приходится помирать голодной смертью. Невдалеке от этого места был густой лес; в том лесу проживал слепой сильномогучий богатырь; только тем и кормился, что как услышит по духу, что мимо его какой зверь пробежал: заяц, лиса ли, медведь ли – сейчас за ним в погоню; поймают – и обед готов! Был богатырь на ногу скор, и ни одному зверю прыскучему не удавалось убежать от него. Вот и случилось так: проскользнула мимо лиса; богатырь услышал да вслед за нею; она добежала до того высокого пня и дала колена в сторону, а слепой богатырь поторопился да с разбегу как ударится лбом о пень – так с корнем его и выворотил.

□Катома свалился на землю и спрашивает:

– Ты кто таков?

– Я – слепой богатырь, живу в лесу тридцать лет, только тем и кормлюсь, коли какого зверя поймаю да на костре жарю; а то б давно помер голодной смертью!

– Неужели ж ты отроду слепой?

– Нет, не отроду; а мне выколола глаза Анна Прекрасная королева.

– Ну, брат, – говорит Катома-дядька дубовая шапка, – и я через неё без ног остался: обе отрубила проклятая!

Разговорились богатыри промеж собой и согласились вместе жить, вместе хлеб добывать. Слепой говорит безногому:

– Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебе своими ногами, а ты мне своими глазами.

Взял он безногую и понёс на себе, а Катома сидит, по сторонам поглядывает да знай покрикивает: «Направо! Налево! Прямо!..»

□Жили они этак некоторое время в лесу и ловили себе на обед и зайцев, и лисиц, и медведей. Говорит раз безногий:

– Неужли ж нам весь век без людей прожить? Слышал я, что в таком-то городе живёт богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подаёт. Увезём-ка, брат, её! Пусть у нас за хозяйку живёт.

Слепой взял тележку, посадил в неё безногого и повёз в город, прямо к богатому купцу на двор; увидала их из окна купеческая дочь, тотчас вскочила и пошла оделять их милостынею. Подошла к безногому:

– Прими, убоженький, Христа ради!

Стал он принимать подаяние, ухватил её за руки да в тележку, закричал на слепого – тот побежал так скоро, что на лошадях не поймать! Купец послал погоню – нет, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь в свою лесную избушку и говорят ей:

– Будь нам заместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай; а то нам, увечным, некому обеда сварить, рубашек помыть. Бог тебя за это не оставит!

Осталась с ними купеческая дочь; богатыри её почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дело на охоте, а названная сестра завсегда дома: всем хозяйством заправляет, обед готовит, бельё моет.

□Вот и повадилась к ним в избушку ходить баба-яга костяная нога и сосать у красной девицы, купеческой дочери, белые груди. Только богатыри на охоту уйдут, а баба-яга тут как тут! Долго ли, коротко ли – спала с лица красная девица, похудела-захирела; слепой ничего не видит, а Катом-дядька дубовая шапка замечает, что дело неладно; сказал про то слепому, и пристали они вдвоём к своей названной сестрице, начали допрашивать, а баба-яга ей накрепко запретила признаваться. Долго боялась она поверить им своё горе, долго крепилась, да,

наконец, братья её уговорили, и она все дочиста рассказала: «Всякий раз, как уйдёте вы на охоту, тотчас является в избушку древняя старуха – лицо злющее, волосы длинные, седые – и заставляет меня в голове ей искать, а сама сосёт мои груди белые».

– А, – говорит слепой, – это – баба-яга; погоди же, надо с ней по-своему разделаться! Завтра мы не пойдём на охоту, а постараемся залучить её да поймать...

□ Утром на другой день богатыри не идут на охоту.

– Ну, дядя безногий, – говорит слепой, – полезай ты под лавку, смирененько сиди, а я пойду на двор – под окном стану. А ты, сестрица, как придёт баба-яга, садись вот здесь, у этого окна, в голове-то у ней ищи да потихоньку пряди волос отделяй да за оконницу на двор пропускай; я её за седые-то космы и сграбастаю!

Сказано – сделано. Ухватил слепой бабу-ягу за седые космы и кричит:

– Эй, дядя Катома! Вылезай-ка из-под лавки да придержи ехидную бабу, пока я в избу войду.

Баба-яга услышала беду, хочет вскочить, голову приподнять – куда тебе, нет совсем ходу! Рвалась-рвалась – ничего не пособляет! А тут вылез из-под лавки дядя Катома, навалился на неё словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо с овчинку ей показалось! Вскочил в избушку слепой, говорит безногому:

– Надо нам теперь развести большой костёр, сжечь её, проклятую, на огне, а пепел по ветру пустить!

Возмолилась баба-яга:

– Батюшки, голубчики! Простите... что угодно, всё вам сделаю!

– Хорошо, старая ведьма! – сказали богатыри. – Покажи-ка нам

колодезь с целющей и живущей водою.

– Только не бейте, сейчас покажу!

□ Вот Катом-дядька дубовая шапка сел на слепого; слепой взял бабу-ягу за косы; баба-яга повела их в лесную трущобу, привела к колодезю и говорит:

– Это и есть целующая и живущая вода!

– Смотри, дядя Катом, – вымолвил слепой, – не давай маху; коли она теперь обманет – ввек не поправимся!

Катом-дядька дубовая шапка сломил с дерева зелёную ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнём вспыхнула!

– Э, да ты ещё на обман пошла!

Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотят кинуть её, проклятую, в огненный колодезь. Пуще прежнего возмолилась баба-яга, даёт клятву великую, что теперь не станет хитрить: «Право-слово, доведу до хорошей воды».

□ Согласились богатыри попытать ещё раз, и привела их баба-яга к другому колодезю. Дядька Катом отломил от дерева сухой сучок и бросил в колодезь: не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвёл.

– Ну, это вода хорошая! – сказал Катом.

Слепой помочил ею свои глаза – и вмиг прозрел; опустил безногого в воду – и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорят меж собой:

– Вот когда мы поправимся! Всё своё воротим, только наперёд надо с бабой-ягой порешить; коли нам её теперь простить, так самим добра не видать – она всю жизнь будет зло мыслить!

Воротились они к огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: так она и сгнула!

□ После того Катом-дядька дубовая шапка женился на купеческой дочери, и все трое отправились они в королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить к столичному городу, смотрят: Иван-царевич гонит стадо коров.

– Стой, пастух! – говорит Катом-дядька. – Куда ты этих коров гонишь?

Отвечает ему царевич:

– На королевский двор гоню; королева всякий раз сама поверяет, все ли коровы.

– Ну-ка, пастух, на тебе мою одежду, надевай на себя, а я твою надену и коров погоню.

– Нет, брат, этого нельзя сделать; коли королева уведает – беда мне будет!

– Не бойся, ничего не будет! В том тебе порука Катом-дядька дубовая шапка!

Иван-царевич вздохнул и говорит:

– Эх, добрый человек! Если бы жив был Катом-дядька, я бы не пас в поле этих коров.

□ Тут Катом-дядька дубовая шапка сознался ему, кто он таков есть; Иван-царевич обнял его крепко и залился слезами:

– Не чаял и видеть тебя!

Поменялись они своими одежами; погнал дядька коров на королевский двор. Анна Прекрасная вышла на балкон, поверила, все ли коровы счётом, и приказала загонять их в сарай. Вот все коровы в сарай вошли, только последняя у ворот остановилась и хвост оттопырила. Катом подскочил:

– Ты чего, собачье мясо, дожидаться? – схватил её за хвост, дёрнул, так и стащил шкуру!

Королевна увидела и кричит громким голосом:

– Что это мерзавец пастух делает? Взять его и привести ко мне!

Тут слуги подхватили Катому и потащили во дворец; он идёт – не отговаривается, на себя надеется. Привели его к королевне; она взглянула и спрашивает:

– Ты кто таков? Откуда явился?

– А я тот самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовут меня Катома-дядька дубовая шапка!

– Ну, – думает королевна, – когда он ноги свои воротил, то с ним мудрить больше нечего! – и стала у него и у царевича просить прощения; покаялась во своих грехах и дала клятву вечно Ивана-царевича любить и во всём слушаться.

Иван-царевич её простил и начал жить с нею в тишине и согласии; при них остался слепой богатырь, а Катома-дядька уехал с своею женою к богатому купцу и поселился в его доме.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Чудесная курица**

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве, жил старик со старухой в нужде и в бедности; у них было два сына – летами малы, на работу идти не сдюжат^[1]. Поднялся сам старик, пошёл на заработки, ходил-ходил по людям, только и зашиб, что двугривенный. Идёт домой, а навстречу ему горький пьяница – в руках курицу держит.

– Купи, старичок, курочку!

– А что стоит?

– Давай полтину.

– Нет, брат, возьми двугривенный; с тебя и этого будет: выпьешь крючок^[2], да и спать ложись!

Пьянчужка взял двугривенный и отдал старику курицу. Вернулся старик домой, а дома давно голодают: нет ни куска хлеба!

– Вот тебе, старая, курочку купил!

Накинулась на него баба и давай ругать:

– Ах ты, старый чёрт! Совсем из ума выжил! Дети без хлеба сидят, а он курицу купил; ведь её кормить надо!

– Молчи, дура баба! Много ли курица съест? А вот она нанесёт

нам яичек да цыплят высидит, мы цыплят-то продадим да хлеба и купим...

□Сделал старик гнёздышко и посадил курочку под печкою. Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла. Говорит старик жене:

– Ну, старуха, у людей куры яйца несут, а у нас – камушки; что теперь делать?

– Неси в город; может, кто и купит!

Пошёл старик в город; ходит по гостиному ряду и показывает самоцветный камень. Со всех сторон сошлись к нему купцы, начали ценить этот камушек, ценили-ценили и купили за пятьсот рублёв. С того дня зачал старик торговать самоцветными камнями, что несла ему курочка; живо разбогател, выписался в купечество, настроил лавок, нанял приказчиков и стал за море с кораблями ездить да и в иных землях торг вести. Уезжает он как-то в чужие страны и наказывает жене:

– Смотри, старая, соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова с плеч свалится!

□Только уехал, а старуха сейчас же худое задумала – с молодым приказчиком связалась.

– Где вы эти самоцветные камни берёте? – спрашивает её приказчик.

– Да нам курочка несёт.

Приказчик взял курочку, посмотрел, а у ней под правым крылышком золотом написано: кто её голову съест – тот королём будет, а кто потроха – тот будет золотом харкать.

– Зажарь, – говорит, – эту курочку мне на обед!

– Ах, любезный друг, как можно? Ведь муж воротится – казнит меня.

Приказчик и слышать ничего не хочет: жарь – да и только.

□На другой день призвала старуха повара, приказала ему нарезать курочку и жарить к обеду с головкой и с потрохами. Повар нарезал курочку и поставил в печь, а сам вышел куда-то. Тем временем прибежали из училища старухины дети, заглянули в печь, и захотелось им попробовать жареного: старший брат съел куриную голову, а меньший скушал потроха. Пришло время обедать, подают за стол курицу, приказчик как увидел, что нет ни головы, ни потрохов, рассердился, разругался со старухой и уехал домой. Старуха за ним – и так и сяк умягчает, а он знай на одном стоит: «Изведи своих детей, – говорит, – вынь из них потроха и мозги и сготовь мне к ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своих деток спать, а сама призвала повара и велела везти их сонных в лес; там загубить их до смерти, а потроха, мозги вынуть и сготовить к ужину.

□Повар привёз мальчиков в дремучий лес, остановился и принялся точить нож. Мальчики проснулись и спрашивают:

– Зачем ты нож точишь?

– А затем, что мать ваша приказала мне из вас потроха и мозги добыть да к ужину изготовить.

– Ах, дедушка-голубчик! Не убивай нас; сколько хочешь дадим тебе золота, только пожалей нас – отпусти на волю.

Младший брат нахаркал ему целую полу золота: повар и согласился отпустить их на вольный свет. Бросил мальчиков в лесу, вернулся назад, а на его счастье дома сука ощенилась: вот он взял – нарезал двух щенков, вынул из них потроха и мозги, жарил и подал к ужину на стол. Приказчик так и кинулся на это кушанье, все сожрал – и сделался ни королем, ни королевичем, а на просто хамом!

□Мальчики вышли из лесу на большую дорогу и пошли куда глаза глядят; долго ли, коротко ли шли они – только распадается дорога надвое, и стоит тут столб, а на столбе написано: кто

пойдёт направо, тот царство получит, а кто пойдёт налево, тот много зла и горя примет, да зато женится на прекрасной царевне. Братья прочитали эту надпись и решились идти в разные стороны: старший пошёл направо, младший – налево. Вот старший-то шёл-шёл, шёл-шёл и забрался в незнакомый столичный город; в городе народа видимо-невидимо! Только все в трауре, все печалются. Попросился он к бедной старушке на квартиру.

– Укрой, – говорит, – чужестранного человека от тёмной ночи.

– Рада бы пустить, да, право, некуда; и то тесно!

– Пусти, бабушка! Я такой же человек мирской^[3], как и ты; мне немного места надобно – где-нибудь в уголку ночую.

□Старуха пустила его. Стали разговаривать.

– Отчего, бабушка, – спрашивает странник, – у вас в городе теснота страшная, квартиры дороги, а народ весь в трауре да в печали?

– Да вишь, король у нас помер; так бояре стали клич кликать, чтоб собирались все и старые и малые, и всякому дадут по свече, и с теми свечами ходят в собор; у кого свеча сама собой загорится, тот и королём будет!

Наутро мальчик встал, умылся, богу помолился, поблагодарил хозяйку за хлеб, за соль, за мягкую постель и пошёл в соборную церковь; приходит – народу в три года не сосчитать! Только взял свечу в руки – она тотчас и загорелась. Тут все на него бросились, стали свечу задуть, тушить, а огонь ещё ярче горит. Нечего делать, признали его за короля, одели в золотую одежду и отвели во дворец.

□А меньшой брат, что повернул налево, услышал, что в некоем царстве есть прекрасная царевна – собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила-де она вести по всем землям: за того пойду замуж, кто сможет прокормить моё войско целые три года. Как не попытать счастья? Пошёл туда

мальчик; идёт он дорогою, идёт широкою, а сам в мешочек плюёт да плюёт чистым золотом. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приходит к прекрасной царевне и вызвался её задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнет – и готово! Три года содержал он царевнино войско, кормил-поил, одевал. Пора бы весёлым пирком да за свадебку, а царевна – на хитрости: расспросила-разведала, откуда ему такое богатство бог послал? Зазвала его в гости, угостила, употчевала и поднесла рвотного. Стошнило доброго молодца, и выблевал он куриный потрох; а царевна подхватила – да в рот. С того же дня стала она золотом харкать, а жених её ни при чем остался. «Что мне с этим невежею делать? – спрашивает царевна у своих бояр, у генералов. – Ведь зайдёт же этакая блажь в голову – вздумал на мне жениться!» Бояре говорят, надо его повесить; генералы говорят: надо его расстрелять; а царевна иное придумала – приказала бросить его в н....

□Добрый молодец еле оттуда вылез и снова отправился в путь-дорогу, а сам одно на уме держит: как бы умудриться да отсмеять царевне эту шутку недобрую. Шёл-шёл и зашёл в дремучий лес; смотрит – три человека дерутся, друг дружку так кулаками и садят!

– Что вы деретесь?

– Да вот попались нам в лесу три находки, а разделить не умеем: всякий себе тащит!

– А что за находки? Есть ли из-за чего ссориться?

– Ещё бы! Вот бочонок – только стукни, из него рота солдат выскочит; вот ковёр-самолёт – куда вздумал, туда и полетел; а вот кнут-самобой – хлысни девку да скажи: была девица, а будь кобылица! – сейчас кобылой и сделается.

– Найдки важные – разделить трудно! А я так думаю: давайте-ка сделаю стрелу да пушу в эту сторону, а вы вслед за ней припустите; кто первый добежит – тому бочонок, кто второй добежит – тому ковёр-самолёт, кто назади останется – тому

кнут-самобой.

– Ладно! Пущай стрелу.

Мо́лодец сделал стрелу и пустил далеко-далеко; трое бросились бежать наперегонки... бегут и назад не оглянутся! А добрый мо́лодец взял бочонок да кнут-самобой, сел на ковёр-самолёт, тряхнул за один конец – и поднялся выше леса стоячего, ниже облака ходячего и полетел, куда сам желал.

□Опустился он на заповедных лугах прекрасной царевны и начал в бочонок поколачивать – и полезло оттуда войско несметное: и пехота, и конница, и артиллерия с пушками, с пороховыми ящиками. Сила так и валит, так и валит. Добрый мо́лодец спросил коня, сел верхом, объехал свою армию, поздоровался и скомандовал поход. Барабаны бьют, трубы трубят, войско с пальбою идёт. Увидала царевна из своих теремов, страшно перепугалась и посылает своих бояр и генералов просить мира. Добрый мо́лодец велел схватить этих посланных; наказал их грозно и больно и отослал назад: «Пускай-де сама царевна приедет да попросит замирения». Нечего делать, приехала к нему царевна; вышла из кареты, подходит к доброму мо́лодцу, узнала его и обомлела, а он взял кнут-самобой, ударил её по спине.

– Была, – говорит, – девица, будь теперь кобылица!

В ту ж минуту обратилась царевна кобылицею; он накинул ей узду, оседлал, сел верхом и поскакал в королевство своего старшего брата. Скачет во всю прыть, шпорами в бока садит да тремя железными прутьями погоняет, а за ним идёт войско – сила несметная.

□Долго ли, коротко ли – вот и граница; остановился добрый мо́лодец, собрал своё войско в бочонок и поехал в столичный город. Едет мимо королевского дворца, увидел его сам король, засмотрелся на кобылицу: «Что за витязь едет! Этаким славной кобылицы в жизнь свою не видывал!» Посылает своих генералов торговать того коня.

– Ишь, – говорит молодец, – какой король у вас зоркий! Этак по вашему городу нельзя и с женой молодой погулять; коли на кобылу позарился, так жену и подавно отымет!

Входит во дворец:

– Здорово, братец!

– Ах, а я тебя не узнал!

Пошло обниманье-целованье.

– Это что у тебя за бочонок?

– Для питья, братец, держу; без воды в дороге нельзя.

– А ковёр?

– Садись, так узнаешь!

Сели они на ковёр-самолёт, младший брат тряхнул за один конец, и полетели выше леса стоячего, ниже облака ходячего – прямо в своё отечество.

□ Прилетели и наняли квартиру у родного отца; живут, а кто таковы – отцу с матерью не сказываются. Вот вздумали они задать пир на весь крещёный мир, собрали народу тьму-тьмущую, трое суток кормили-поили всех безданно, беспошлинно, а после стали спрашивать: не знает ли кто какой дивной истории? Коли знает, пусть сказывает. Никто не вызвался: «Мы-де люди не бывалые!»

– Ну так я расскажу, – говорит младший брат, – только чур не перебивать! Кто три раза перебьёт меня, того без пощады казнить.

Все согласились; вот он и начал рассказывать, как жил старик со старухой, как была у них курочка да несла самоцветные камушки, как связалась старуха с приказчиком..

– Что ты врешь! – перебила хозяйка; а сын продолжает дальше.

Стал рассказывать, как курочку зарезали; мать опять его перебила. Дошло дело до того, как старуха хотела детей извести; тут она снова не вытерпела.

– Неправда! – говорит. – Может ли это случиться, чтобы мать да на своих родных детей восстала?

– Видно, может! Узнай-ка нас, матушка; ведь мы твои дети...

Тут всё открылось.

□ Отец приказал изрубить старуху на мелкие части; приказчика привязал к лошадиным хвостам: лошади бросились в разные стороны и разнесли его косточки по чисту полю.

– Собаке собачья и смерть! – сказал старик, роздал всё своё имение нищим и поехал жить к старшему сыну в его королевство.

А младший сын ударил свою кобылицу наотмашь кнутом-самобоем: «Была кобылица, будь теперь девица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тут они помирились, поладили и повенчались. Свадьба была знатная, и я там был, мёд пил, по бороде текло, да в рот не попало.

---

[1] – Осият, одолеют (Ред.).

[2] – Чарку (Ред.).

[3] – Т. е. простой, незнатный.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка про утку с золотыми яйцами

Было-жило два брата: один богатый, другой бедный; у бедного – жена да дети, а богатый – один как перст. Пошёл бедный к богатому и стал просить:

– Накорми, братец, сегодня при бедности моих детей; нам и пообедать нечего!

– Сегодня мне не до тебя, – говорит богатый, – сегодня у меня всё князья да бояре, так бедному не приходится тут быть!

Облился бедный брат слезами и пошёл рыбу ловить: «Авось бог даст – поймаю! Хоть уши дети похлебают». Только затянул тоню, и попал ему кувшин. «Вытащи меня да разбей на берегу, – отозвалось из кувшина, – так я тебе счастье укажу». Вытащил он кувшин, разбил на берегу, и вышел оттуда неведомый молодец и сказал:

– Есть зелёный луг, на том лугу берёза, у той берёзы под кореньями утка; обрубь у берёзы коренья и возьми утку домой; она станет нести тебе яички – один день золотое, другой день серебряное.

Бедный брат пошёл к березе, достал утку и принёс домой; стала утка нести яички – один день золотое, другой день серебряное; стал он продавать их купцам да боярам и куда как разбогател скоро!

– Дети, – говорит он, – молитесь богу; господь нашёл нас.

□ Богатый брат позавидовал, озлобился: «Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее^[1], а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!» – и пошёл в суд с жалобой. Дошло это дело до самого царя. Зовут того брата, что был беден да разбогател скоро, к царю. Куды девать утку? Дети малы, пришло жене под присмотр отдать; начала она на базар ходить да яйца по дорогой цене продавать, а была собой красавица и слюбилась с барином.

– Отчего, скажи, вы разбогатели? – спрашивает её барин.

– Да нам ведь бог дал!

А он приступает:

– Нет, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану к тебе ходить.

И таки не пришёл к ней день-другой; она позвала его к себе и рассказала:

– У нас есть утка – день несёт золотое яичко, день серебряное.

– Принеси-ка эту утку да покажь, какова птица?

Оглядел утку и видит – на брюшке у неё золотыми буквами написано: кто съест её голову, тот царём будет, а кто – сердце, тот станет золотом плевать.

□ Позарился барин на такое великое счастье, пристал к бабе: «Зарежь да и нарежь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тем, что зарезала утку и поставила в печь жарить. День был праздничный; ушла она к обедне, а тем временем

прибежали в избу два её сына. Вздумалось им перекусить чего-нибудь, заглянули в печь и вытащили утку; старший съел голову, а меньшей сердце. Воротилась мать из церкви, пришёл барин, сели за стол; смотрит он – нет ни сердца утиного, ни головы.

– Кто съел? – спрашивает барин и таки дознался, что съели эти два мальчика.

Вот он и пристаёт к матери:

– Зарежь-де своих сыновей, из одного вынь мозги, из другого сердце; а коли не зарежешь – и дружба врозь!

Сказал и ушёл от неё; вот она целую неделю томилась, а после не выдержала, посылает к барину:

– Приходи! Так и быть, для тебя и детей не пожалею!

Сидит она и точит нож; старший сын увидал, заплакал горькими слезами и просится:

– Отпусти нас, матушка, в сад погулять.

– Ну ступайте, да далеко не уходите.

А мальчики не то что гулять, ударились в беги.

□Бежали-бежали, утомились и оголодали. В чистом поле пастух коров пасёт.

– Пастушок, пастушок! Дай нам хлебца.

– Вот вам кусочек, – говорит пастух, – только всего и осталось! Кушайте на здоровье.

Старший брат отдаёт меньшому:

– Скушай ты, братец, ты малосильнее, а я подюжее – могу и так стерпеть.

– Нет, братец, ты всё меня за ручку тащил, хуже моего утомился: съедим пополам!

Взяли, пополам разделили, съели и оба сыты стали.

□ Вот пошли они дальше; идут всё вперёд да вперёд дорогою широкою – и разбилась та дорога надвое; на распутии столб стоит, на столбе написано: кто в правую руку пойдёт – царём сделается, кто в левую руку пойдёт – богат будет. Малый брат и говорит большому:

– Братец! Ступай ты в правую руку, ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь.

Большой брат пошёл направо, меньшей – налево.

□ Вот первый-то шёл-шёл и пришёл в иное царство; попросился к старушке ночь ночевать, переночевал, встал поутру, умылся, оделся, богу помолился. А в том государстве помер тогда царь, и собираются все люди в церковь со свечами: у кого прежде свеча сама собой загорится, тот царь будет.

– Поди и ты, дитячко, в церковь! – говорит ему старушка. – Может, у тебя свеча прежде всех загорится.

Дала ему свечку; он и пошёл в церковь; только что входит туда – у него свеча и загорелась; другим князьям да боярам завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вон гнать. А царевна сидит высоко на троне и говорит:

– Не троньте его! Худ ли, хорош ли – видно, судьба моя!

Подхватили этого мальчика под руки, привели к ней; она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе, вырастила, объявила царем и вышла за него замуж.

□ Ни много, ни мало пожил они вместе, и говорит новый царь своей жене:

– Позволь мне поехать – разыскивать моего малого брата!

– Поезжай с богом!

Долго ездил он по разным землям и нашёл малого брата; в великом богатстве живёт, целые кучи золота в амбарах насыпаны; что ни плюнет он – то всё золотом! Девать некуда!

– Братец! – говорит меньшей старшему. – Поедем к отцу нашему да посмотрим: каково его житьё-бытьё?

– Хоть сейчас в дорогу!

Вот приезжают они к отцу, к матери, попросились к ним в избу роздых сделать, а не сказывают, кто они таковы! Сели за стол; старший брат и начал говорить про утку с золотыми яичками да про мать-лиходейку. А мать то и дело перебивает да речь заминает. Отец догадался:

– Не вы ли – мои детки?

– Мы, батюшка!

Пошло обниманье, целованье; что разговоров тут было! Старший брат взял отца в своё царство жить, меньшей поехал невесту искать, а мать одноё покинули.

---

[1] – Беднее.

 Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Рога**

Жил-был батрак; дал ему бог большую силу. Узнал он, что к царской дочери змей летает, и похвастался:

– Никто, – говорит, – не изведёт лютого змея, а я изведу!

Услыхали его похвальбу люди государевы, пристали к нему: «Иди, батрак! Вылечи царевну». Взялся за гуж, не говори, что не дюж; пошёл батрак к царю и рассказывает ему:

– Я-де могу царевну вылечить; что будет за хлопоты?

Обрадовался царь и говорит ему:

– Царевну за тебя отдам.

Вот батрак велел принести себе семь воловьих кож да наделать железных орехов, железные когти и железный молоток; взял он надел семь шкур воловьих да когти железные, в карман насыпал орехов и простых и железных, а в руки большой молоток взял и пошёл к царевне в горницу.

□ Вот летит к царевне змей; как увидал батрака, так и защёлкал зубами:

– Ты зачем сюда пришёл?

– За тем же, за чем и ты! – сказал батрак, а сам сидит да

орешки пощёлкивает.

Змей видит, что силою ничего не возьмёшь, давай к нему подлезать; попросил у него орешков, а тот и дал ему железных. Змей грыз-грыз и плюнул:

– Нехороши, брат, твои орешки! Давай-ка лучше в карты играть.

– Давай, пожалуй; да как же будем играть?

И поладили они на том: кто проиграет, тому зубочистку дать. Стали играть; проиграл змей. Батрак вынул молоток да как даст ему зубочистку, тот ажно насилу опомнился.

– Давай, – говорит змей, – играть на кожу: кто проиграет, с того кожу долой.

Проиграл батрак; змей снял с него одну воловью кожу.

– Давай ещё!

Проиграл змей; как вцепился ему батрак железными когтями в кожу – так всю и снял! Змей тут же издох.

□Узнал про то царь да на радости и женил батрака на царевне. Вот царевне и скучно жить с таким мужиком; велела его отвести в лес, да там и убить. Слуги подхватили его, отвели в лес, да пожалели, не убили. Ходит батрак по лесу, плачет. Навстречу ему идут три человека, сами спорят. Только поравнялись с ним, так и кинулись к нему с мольбою:

– Скажи, добрый человек, вот мы нашли сапоги-самоходы, ковёр-самолёт да скатерть-самобранку; как нам поделить?

– А вот как: кто прежде всех влезет на дуб – тому всё и отдать!

Те сдуру и согласились, бросились на дерево; только что на дуб влезли, батрак надел сапоги-самоходы, сел на ковёр-самолёт, взял с собой скатерть-самобранку, да и говорит:

– Будь я подле царского города!

Там и очутился. Разбил шатёр, велел скатерти-самобранке приготовить обед и позвал к себе в гости царя с царевною; они его и не признали. Приходят к нему царь с царевною; он зачал их потчевать, потчевал-потчевал и стал показывать царевне ковёр-самолёт, а сам потихоньку взял скатерть-самобранку да толкнул царевну на ковер и велел ему снести себя в тёмный лес. В лесу сказал батрак царевне, кто он таков; она начала его ласкать да умасливать – ну и умаслила! Как только он заснул, царевна схватила скатерть-самобранку, села на ковёр-самолёт, да и была такова!

□Проснулся батрак, видит, что нет ни царевны, ни ковра-самолета, ни скатерти-самобранки; остались одни сапоги-самоходы. Бродил, бродил по лесу; захотелось ему есть, видит он, что стоят две яблони, взял сорвал с одной яблоко и стал есть. Съел яблоко – вырос на голове рог, съел другое – вырос другой рог! Он попробовал с другой яблони: съел яблоко – в ту ж минуту пропали рога, сам молодцом да красавцем стал! Набрал в карман и тех и других яблок и пошёл в царский город. Ходит батрак мимо дворца; увидел девку-чернавку, царевнину прислужницу, дурную-предурную:

– Не хочешь ли, голубушка, яблочка?

Та взяла у него яблочко, съела и сделалась такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Приходит девка-чернавка к царевне, та так и ахнула.

– Купи, – говорит, – непременно купи мне таких яблок.

Чернавка пошла и купила; съела царевна, а у ней рога выросли. На другой день приходит батрак к царевне и сказывает, что он может сделать её опять красавицей. Та зачала его просить. Он велел ей идти в баню; там раздел её донага да так железными прутьями отпотчевал, что надолго не забудет! После сказал, что он её законный муж; царевна спокаялась, возвратила ему и ковёр-самолёт и скатерть-самобранку; а батрак дал ей хороших

яблок. И стали они жить да поживать да добра наживать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Волшебное кольцо

В таких местах, в таких больших деревнях, жил мужичок не скудно, не богато; у него был сынок, и оставляет он сынку триста рублей денег:

– Вот тебе, сынок! Благословляю тремя стами рублями до твоего выросту.

Вырос этот сынок, взошел в полный разум и говорит своей матушке:

– Помню я – покойный батюшка благословлял меня тремя стами рублями; то дай мне хоть сотенку.

Она ему дала сто рублей, он и пошёл во путь во дороженьку, и

попадаетя ему мужичок – ведёт вислоухую собаку. Он и говорит:

– Продай мне, мужичок, эту собаку.

Мужик говорит:

– Ну-ка дай сто рублей.

Вот он дал за неё сто рублей, привёл её домой, поит и кормит. После того просит у матери ещё сто рублей. Мать ему ещё сто рублей дала; он пошёл во путь во дороженьку, опять ему попадаетя мужик – ведёт котка золотой хвостик. Он и говорит:

– Продай мне, мужичок, этого котка.

Мужик говорит:

– Купи!

– А что тебе за него?

Мужичок говорит:

– Хочешь, так сто рублей.

И отдал ему котка за сто рублей; он взял его, свёл домой, поит и кормит. Ну, вот просит он у матери ещё сто рублей. Мать ему говорит:

– Милое ты моё дитятко! Куда ты деньги изводишь? Напрасные эти покупки.

– Э, мать моя родимая! Не тужи об деньгах, они нам когда-нибудь возвратятся.

Она ему и третью сотню дала; он опять пошёл во путь во дороженьку.

□Ну, хорошо; в этаких местах, в этаких городах, умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко; ему, доброму мо́лодцу, очень хочется снять с руки это колечко. Вот он закупает караулов допустить его до царевны; подошёл к ней,

снял с руки колечко и пошёл к своей матери; никто его не сдержал.

□Живёт долго ли, коротко ли – вышел на крылечко и перекинул это колечко с руки на́ руку, выскочило из колечка триста молодцев и сто семьдесят богатырёв и спрашивают у него:

– Что заставишь нас работать?

– Вот что заставлю: первое – сшибите мою старую избу и поставьте на этом же месте каменный дом, и чтобы матушка моя про то не знала.

Они сработали в одну ночь; мать его встаёт и удивляется:

– Чей это дом такой?

Сын ей говорит:

– Матушка моя родимая! Не удивляйся, а молись богу; дом этот наш.

Вот живут они долго ли, коротко ли в этом доме – вышли ему совершенные годы, и захотелось ему жениться.

□В этакое царстве, в этакое государство, у такого-то царя была царевна, и ему хочется на ней посвататься:

– Сватай-ка за меня, моя родная матушка! В этакое-то царстве, у такого-то царя есть дочь хороша.

Мать ему и говорит:

– Дитя ты моё милое! Где нам брать царевну!

А он ей в ответ:

– Мать ты моя, родительница! Молись-ка спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее.

Сам он, добрый молодец, вышел на крылечко, перекинул с руки на́ руку колечко – выскочило триста молодцев и сто семьдесят

богатырѐв и спрашивают у него:

– Что прикажешь делать?

– Сыщите мне таких дорогих вещей, которых бы у царя не было, и принесите на золотых подносах: надо царя с царевною одарить!

Тотчас принесли ему этакие вещи; он и посылает свою мать свататься к царю.

□Вот мать пришла к царю, а царь удивляется:

– Где ты, старушка, этакие вещи взяла?

Выходит царевна, глядит на эти вещи и говорит:

– Ну, старушка, скажи своему сыну: пусть он поставит об одну ночь в царском заповедном лугу новый дворец лучше дворца моего батюшки, и чтобы провёл он от дворца до дворца мост хрустальный, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; в то время пойду за твоего сына замуж. А ежели да не совершит этого, то не будет ему прощенья, и сложит он свою буйну голову на плаху!

Идѐт старуха домой, слѐзно плачет и говорит сыну:

– Милое моѐ дитяtko! Говорила я тебе, что не надобно на царевне свататься. Вот теперь царевна приказывает тебе сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй об одну ночь новый дворец в заповедном лугу, и чтобы лучше был батюшкиного, и чтоб от дворца до дворца проведѐн был хрустальный мост, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; а ежели этого не сделаешь, то сложишь свою буйну голову на плаху! Как теперь, дитяtko, ты это дело рассудишь?

Отвечает он:

– Мать ты моя, родительница! Не сумневайся, молись спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее.

□ Сам добрый мо́лодец вышел на крылечко, перекинул с руки на́ руку колечко – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырёв и спрашивают:

– Что прикажешь работать?

Он им и говорит:

– Друзья мои любезные! Постарайтесь мне об одну ночь построить в царском заповедном лугу новый дворец, и чтоб был он лучше царского, и чтоб был проведён от дворца до дворца хрустальный мост, а этот мост был бы устлан разными шитыми коврами.

Вот эти мо́лодцы и богатыри об одну ночь всё выстроили, что им было приказано. Царь утром встал, глядит в подзорную трубку на свои заповедные луга и удивляется, что выстроен дворец лучше его, и посылает посланного сказать, чтобы приходил добрый мо́лодец свататься на царевне, а царевна-де согласна выйти за него замуж. Вот он сосватался на царевне, честным пирком да и за свадебку; сыграли свадьбу, отпировали.

□ Живут долго ли, коротко ли, царевна своего мужа и спрашивает:

– Скажи, пожалуйста, каким ты манером это дело совершаешь об одну ночь? Теперь станем с тобой заедино думать.

Улещает его, уговаривает и подносит ему разных водок; напоила его мертвецки пьяным, он ей и сказал:

– Вот я чем – колечком!

А она у пьяного колечко взяла, перекинула с руки на́ руку – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырёв и спрашивают:

– Что прикажете делать?

– А вот что: возьмите этого пьяницу и выкиньте на батюшкин луг, а меня снесите со всем дворцом за тридевять три земли, за десятое царство, к такому-то королю.

Они об одну ночь и приставили её туда, куда приказала.

□Царь встаёт утром, смотрит в подзорную трубку в свои заповедные луга – не стало ни дворца, ни хрустального моста, только валяется один человек; посылает царь посланных: «Узнайте, что там за человек лежит?» Сбегали посланные, приходят назад и говорят царю:

– Ваш зять один валяется!

– Подите, приведите его ко мне.

Вот и приводят его, царь спрашивает:

– Куда ты царевну дел и с дворцом?

Он отвечает:

– Ваше царское величество! Не знаю, как будто во сне её потерял.

Царь говорит:

– Даю тебе три месяца сроку, добирайся: где царевна? А там казнить стану.

И посадил он его в крепкую тюрьму.

□Вот и говорит кот собаке вислоухой:

– Что ты знаешь? Ведь хозяин-то наш в засаженье^[1]. Обманула его царевна, сняла с руки колечко и ушла за тридевять земель, за десятое царство. Надо кольцо добывать; побежим-ка с тобой!

Побежали; где на пути озера плыть, где реки плыть, там кот садится на загривок к собаке вислоухой, собака и перевозит его на другую сторону. Долго ли, коротко ли – сбежали они за тридевять земель, за десятое царство. Говорит кот собаке:

– Ежели из королевской кухни будут посылать за дровами, ты сейчас беги, а я на погребок пойду к ключнице; что она

задумает – то я и подам.

□Стали они жить на королевском дворе. Вот сказывает ключница королю:

– Есть у меня на погребке котик золотой хвостик; что задумаю – то и подаст!

Повар говорит:

– А у меня есть собака вислоухая; как стану посылать мальчика за дровами, она опрометью бежит и несёт!

Король приказывает:

– Приведите собаку вислоухую в мою спальню; а царевна велит:

– А ко мне приведите котка золотой хвостик.

Привели кота и собаку; и день и ночь во дворце остаются. А царевна, как спать ложится, колечко завсегда в рот берёт. Вот бежит ночью мышь, а кот за загривок её и цапнул; мышь говорит:

– Не тронь меня, кот! Я знаю, зачем ты пришёл; ты пришёл за колечком – я тебе достану его.

Кот её выпустил; она вскочила на кровать и прямо к царевне, сунула свой хвостик ей в рот и зашевелила; царевна плюнула да колечко и выплюнула. Кот цап и кричит вислоухой собаке:

– Не зевай!

□Бросились прямо в окошко, выскочили и побежали, сухим путём бегут, а реки и озера плывут; приходят в своё царство и прямо к тюрьме... Кот влез в тюрьму; хозяин увидал, стал его гладить, а кот песни петь и положил ему на´руку колечко; хозяин обрадовался, перекинул колечко с руки на´руку – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырёв:

– Что работать прикажете?

Он и говорит:

– Чтоб мне с горя на целые сутки была знатная музыка.

Музыка заиграла. А царь посылает к нему посланника:

– Обдумался ли?

Посланник пошёл и заслушался; вот царь другого посылает, и другой заслушался; вот третьего посылает, и третий заслушался; вот приходит сам царь к зятю, он потемнил[3] и царя этою музыкой. Как только перестала музыка, царь и начал у него выпрашивать. Зять говорит:

– Ваше царское величество! Освободите меня на единую ночь, вмиг доставлю вашу царевну.

□Вот вышел он на крылечко; перекинул с руки на´руку колечко – выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырёв и спрашивают:

– Что прикажете работать?

– Принесите царевну назад со всем дворцом, и чтоб всё было на старом месте и об одну ночь сделано.

Царевна встала поутру и видит, что она на старом месте, испугалась и не знает, что ей будет? А её муж приходит к царю:

– Ваше царское величество! Как будем царевну судить?

– Зять ты мой милый! Усовестим мы её словами, и живите себе, поживайте да добро наживайте!

---

[1] – В гарнизонной тюрьме (Ред.).

□ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Чудесный ящик

У одного старика и старухи был один сын уж на возрасте; чему учить сына – отец не знает, и вздумал его отдать одному мастеру в работники всяки вещи делать. Поехал в город, сделал условие с мастером, чтобы сыну учиться у него три года, а домой побывать в три года только один раз. Отвёз сына. Вот парень живёт год, другой; скоро научился делать дороги́ вещи, превзошёл и самого хозяина. Один раз сделал часы в пятьсот рублей, послал их отцу. «Хоть, – говорит, – продаст да поправит бедность!» Где отцу продавать! Он насмотреться не может на часы, потому что сын их делал. Время приходит; надо ему увидеться с родителями. Хозяин был знаткой^[1], и говорит:

– Ступай, вот тебе срок три часа и три минуты; если в срок не воротись – смерть тебе!

Он и думает:

– Когда же я доеду столько вёрст до отца?

Мастер на это говорит:

– Возьми вон ту карету; как только сядешь – зашурься.

□Наш парень так и сделал; только зашурился, взглянул – уж и дома у отца; вылез, приходит в избу – никого нет. А отец и мать его увидели, что к дому карета подъехала, испугались да и спрятались в голбец^[2]; насилу он их вызвал из голбца. Начали здороваться; мать плакать – долго не видались. Сын привёз им гостинцев. Докуда здоровались да говорили, время мешкалось – три часа уж и прошло, осталось три минуты, то, друго́, вот только одна минута! Нечистый шепчет парню:

– Ступай скорее: хозяин уже тебя!..

Парень был заботливый, простился и поехал; скоро очутился у дому, вошёл в избу, а хозяина за него, что просрочил, нечиста сила мучит. Парень отваживаться-отваживаться с хозяином, отвадился, пал ему в ноги:

– Прости, просрочил, вперёд таков не буду!

Хозяин побранил только и подлинно простил.

□Парень наш опять живёт; всех лучше стал делать всяки вещи. Хозяин и думат, что если парень отойдёт, отнимет у него всю работу – лучше мастера стал! – и говорит ему:

– Работник! Ступай в подземное царство, принеси оттуда мне ящичек; он стоит там на царском троне.

Поделали спуски длинные, ремень к ремню сшили и к каждому шву привязали по колокольчику. Хозяин начал его спускать в какой-то овраг, велел: если достанет ящик, трясти заранее за ремень; как колокольчики зазвонят, хозяин услышит. Парень спустился под землю, видит дом, входит в него; человек с двадцать мужиков стали все на ноги, поклонились и все в голос:

– Здравствуй, Иван-царевич!

Парень изумился: какая честь! Входит в другу комнату – полна женщин; те также стали, поклонились, говорят:

– Здравствуй, Иван-царевич!

Эти люди все были напусканы мастером. Пошёл парень в третью комнату, видит – трон, на троне ящик; взял этот ящик, пошёл и людей всех за собой повёл.

□ Пришли к ремню, потрясли, привязали человека – хозяин потянул; а сам он с ящиком хотел привязаться на самом последе. Хозяин половину их вытаскал; вдруг к нему прибежал работник, зовёт скорей домой – сделалось како-то несчастье. Хозяин пошёл; велел всех таскать из-под земли, а крестьянского сына таскать не велел. Ну, людей всех перетаскали по ремню, а этого парня и оставили. Он ходил-ходил по подземному царству, что-то ящичек и тряхнул – вдруг выскочило двенадцать молодцов, говорят:

– Что, Иван-царевич, прикажете?

– Да вот вытащите меня наверх!

Молодцы тотчас его подхватили, вынесли. Он не пошёл к своему хозяину, а пошёл прямо к отцу. Между тем хозяин хватился ящичка, прибежал к оврагу, трясти-трясти за ремень – нету его работника! Думает мастер: «Видно, ушёл куда-то! Надо посылать за ним человека».

□ А крестьянский сын пожил у отца, выбрал богатое какое-то место, метнул ящик с руки на руку – вдруг явилось двадцать четыре молодца:

– Что, Иван-царевич, прикажете?

– Ступайте, на этом месте устройте царство, чтобы оно лучше всех царств было.

В кою пору царство явилось! Парень наш переехал туда, женился и стал жить на славу. В его царстве был какой-то детинка –

так, нездрашный^[3], а мать его всё ходила к Ивану-царевичу, сбирала милостыню. Сын и велит ей:

– Матушка! Украдь у нашего царя ящичек.

Ивана-царевича дома не было; жена его старухе подала милостыню, да и вышла. Старуха схватила ящичек, положила в мешок и ступай к сыну. Тот переметнул ящик – выскочили те же молодцы. Он велит им бросить Ивана-царевича в глубокую яму, куда валили только пропавшего^[4] скота, а жену его и родителей разместил – кого в лакеи, кого куда; сам царём стал.

□ Вот крестьянский сын и сидит в яме день, другой и третий. Как вырваться? Видит какую-то большую птицу – таскат скота; в одно время свалили в яму палую скотину, он взял да к ней и привязался; птица налетела, схватила скотину и вынесла, села на сосну, и Иван-царевич тут болтается – отвязаться нельзя. Неоткуда взялся стрелец, прицелился, стрелил: птица спорхнула и полетела, корову из лап упустила; корова пала, и Иван-царевич за ней пал, отвязался, идёт дорогой и думат: как воротить своё царство? Хватил карман – тут ключ от ящика; метнул – вдруг выскочило два молодца:

– Что, Иван-царевич, прикажете?

– Вот, братцы, я в несчастьи!

– Знаем мы это; счастлив ещё, что мы двое за ключом остались!

– Нельзя ли, братцы, принести мне ящик?

Иван-царевич не успел выговорить, двое молодцов ящик принесли! Тут он ожил, старуху-нищу и сына её приказал казнить, сам стал по-старому царём.

---

[1] – Знахарь, колдун.

[2] – Деревянная приделка к печи (Ред.).

[3] – Невзрачный.

[4] – Дохлого, палого.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Петух и жерновки

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье. Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заметила и говорит:

– Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше;

как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево всё растёт да растёт и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

□Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидел: сидит кочеток золотой гребенёк, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы^[1] и спустился в избу. Спустился и говорит:

– Как нам, старуха, быть, что нам есть?

– Постой, – молвила старуха, – я попробую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молотить; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернёт – все блин да пирог!.. И накормила старика.

□Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату.

– Нет ли, – спрашивает, – чего-нибудь поесть?

Старуха говорит:

– Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?

Взяла жерновцы и намолола: нападали блинчики да пирожки. Приезжий поел и говорит:

– Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

– Нет, – говорит старушка, – продать нельзя.

Он взял да и украл у ней жерновцы. Как увéдали старик со старушкой, что украдены жерновцы, стали горе горевать.

– Постой, – говорит кочеток золотой гребенёк, – я полечу,

догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

– Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Как услышал барин, сейчас приказывает:

– Эй, малый! Возьми, брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать:

– Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду! – и выпил всю воду.

Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит:

– Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь – прямо в огонь; он и стал приговаривать:

– Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду! – и залил весь жар в печи.

Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит:

– Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Гости услышали это и побегли из дому, а хозяин побёг догонять их; кочеток золотой гребенёк схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

---

[1] – Ручная мельница.

 Загрузка...